

М. Б. ЩУКИН

САРМАТЫ НА ЗЕМЛЯХ К ЗАПАДУ ОТ ДНЕПРА И НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ I В. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Свидетельства о ранних этапах проникновения сарматов на Днепровское правобережье смутны и противоречивы. Д. А. Мачинский, проанализировав данные письменных источников, показал, что уже в 330—310 гг. до н. э. сарматы проникли на территорию Скифии [1, с. 45, 46]. На Правобережье лишь один комплекс мог бы в какой-то мере подтвердить эту идею. И расположен он в непосредственной близости от Днепра (Грушевка). Несколько остальных сомнительны [2, с. 34, 36, 68, рис. 25, 1—7].

Страбон (64 г. до н. э.— 24 г. н. э.) при описании Северного Причерноморья пользовался в основном информацией, полученной во время митридатовских войн рубежа II—I вв. до н. э., и размещал где-то в степях Днестровско-Днепровского междуречья «языгов сарматов так называемых царских и ургов» (Страбон, VII, 17). Как соотносятся этнонимы этого списка — установить трудно. Возможны разночтения: «языги-сарматы, царские...» или «языги, сарматы царские...» и т. д. Хронологически этим страбоновским сарматам могли бы соответствовать лишь два погребения у с. Кут на Днестре [2, с. 62, 63, рис. 25, 8—10], два из Новогригорьевки на Южном Буге [2, с. 114, рис. 28, 44], комплекс из Марьевки [3], да клад в Бравиченах в Молдавии [4, с. 9, 10, рис. 1]. Но дата первых не очень определена, вторые еще не опубликованы [2, с. 179], а сарматская принадлежность двух последних более чем сомнительна. Идея Я. Харматы о существовании в 125—161 гг. до н. э. огромной державы Сарматов Царских между Днестром и Дунаем [5, с. 16—39] археологического подтверждения не находит.

Является ли несоответствие письменных источников и археологических лишь результатом слабой изученности Правобережья или за этим кроются какие-то причины исторического характера, сказать трудно. Может быть, Правобережье было лишь зоной экспансии и кочевков сарматских племен, а хоронили они сородичей главным образом на своей основной территории — Левобережье.

Немногом более ясна и ситуация на рубеже нашей эры. Судя по письменным источникам (правда, поздним), первое непосредственное столкновение римлян с сарматами произошло в 16 г. до н. э. (Dio Cass., LX, 30, 3), когда эти кочевники впервые перешли Дунай и вторглись в Добруджу и Мезию. Археологическим отражением этого рейда могли бы быть находки фаларов из Галиче в Болгарии и Шёрца-Суркеа в Румынии [6], а также найденная в «Соколовой могиле» на Южном Буге золотая норицкая фибула с ажурным приемником, близкая к варианту J позднелатенских фибул, по классификации Й. Костшевского [7, рис. 5, 15; 8 рис. 16]. Фибулы варианта J в современной хронологической системе центральноевропейских древностей относятся к середине I в. до н. э. [9], хотя декор приемника может указывать скорее на августовское время, на рубеж эр [10, рис. 4]. Сам комплекс «Соколовой могилы», возможно, еще более поздний. Фалары, судя по аналогичным находкам в сарматском мире, датирующимся II—I вв. до н. э. [2, с. 112, 113], тоже были изготовлены по крайней мере за несколько десятилетий до 16 г. до н. э. Данные, таким образом, не очень надежные, хотя привязка этих находок к 16 г. до н. э. и не исключается. Возможно, к этому же времени относится и погребение 4 более позднего в целом могильника Холмское в Буджаке [11, с. 21—24]

В 8 г. н. э. Август сослал в Томы Овидия, где тот прожил 10 лет. Поэт видел на улицах города сарматских всадников, выучил язык сарматов, был свидетелем, как языги зимой постоянно переходят Дунай по льду (Тг. III, 10, 34, V, 7, 13—14, 56, V, 12, 58; Ер. III, 2, 40, IV, 7, 9—10). Но ни в Добрудже, ни в ближайшей округе за Дунаем пока не обнаружено сарматских памятников времени Овидия.

Хотя многие свидетельства поэта действительно являются не более чем «литературной фикцией» [12, с. 129], но факт проникновения языгов через замерзший Дунай в Добруджу отрицать не приходится. Овидий в данном случае ссылается на авторитетных очевидцев (Ер. IV, 7, 9—10, IV, 9, 85). Не исключено, что действительно 3 года подряд, в 10—12 гг. н. э., Дунай замерзал (Тг. V, 10, 1—2) и, гонимые стужей и бескормицей, языги продвигались на юг в поисках зимних пастбищ. Судя по скудным археологическим данным, им приходилось гнать свои воловьи упряжки издалека, с севера Молдавии и из Прикарпатья, потому что только там известны сарматские памятники, синхронные жизни Овидия в Томах. Из них более или менее надежно датированы лишь три комплекса: погребение 2 в Островце с позднелатенской фибулой варианта О [13], захоронения в Скаенах-Безенах и Новых Костештах [14, рис. 2; 15, с. 8, 10]. В Верхнем и Среднем Поднестровье имеются и другие сарматские памятники: Ленковцы [16], Бурякивка [17], Киселов [18]. Но дата их не определяется с достаточной точностью, лишь в пределах I—II вв. В середине I в. н. э., вероятно, именно с этими сарматами имели тесные контакты представители группы Гринев-Звенигород [19, 20], образованной своеобразным сплавом элементов пшеворских, дакийских и сарматских. В одном из трупосожжений был найден согнутый в соответствии с пшеворским ритуалом сарматский меч с кольцевым навершием. На могильнике в Звенигороде есть и два женских труположения (№ 15 и 17 из раскопок 1954 г.) с сарматскими зеркалами и остатками шкатулки с румянами, датированные фибулами Альмгрен 68 40—70-х годов н. э. [9; 19, рис. 53, 1—6, 7—14]. Возможно, это прямое археологическое подтверждение свидетельства Тацита о бастарнах, «обезображенных браками с сарматками» (Тацит, Германия, 46).

К той же группе верхнеднестровских сарматских памятников, вероятно, относятся и северомолдавские Ханкауцы [15, с. 11], и Изворы [21, с. 44, 45], но они датируются широко, в пределах всего I в. н. э. Как и расположенные южнее захоронения в Толмазах, Селиште и Глубоком [15, с. 12—14], их с равным основанием можно соотнести и с овидиевскими языгами, и со следующей волной сарматского проникновения на запад в середине I в.

Некоторые погребения Румынии с находками мечей, имеющих кольцевое навершие [22, рис. 15] и обычно датируемых сарматологами I в. до н. э.—I в. н. э., тоже можно было бы отнести к овидиевскому времени, но на западе этот вид оружия, по всей вероятности, существовал дольше, вплоть до маркоманских войн 166—180 гг., потому что именно тогда римские и германские кавалеристы позаимствовали у сарматов кольцевое навершие для своих тяжелых рубящих спат [23]. Судя по другим данным, за Прутом сарматы появились лишь после поражения царя Децебала в 106—107 гг. и римского завоевания Дакии [22].

Итак, датированные сарматские памятники первой половины I в. н. э. немногочисленны и концентрируются в Среднем и Верхнем Поднестровье (рис. 1). В степных районах они пока отсутствуют. Скрываются ли за этим какие-то исторические причины? Ответить пока трудно.

О проникновении отдельных сарматских групп в чуждую им среду знал и Страбон, хотя и смутно: «Но что находится за Германией, нужно ли принять, что там живут бастарны (как думает большинство), что между ними обитают другие народности — языги или роксоланы, или какие-либо другие из кочующих в кибитках, сказать трудно» (Страбон, VII, 7, 4). В данном пассаже о Германии географ пользовался информацией, полученной римлянами во время войн за

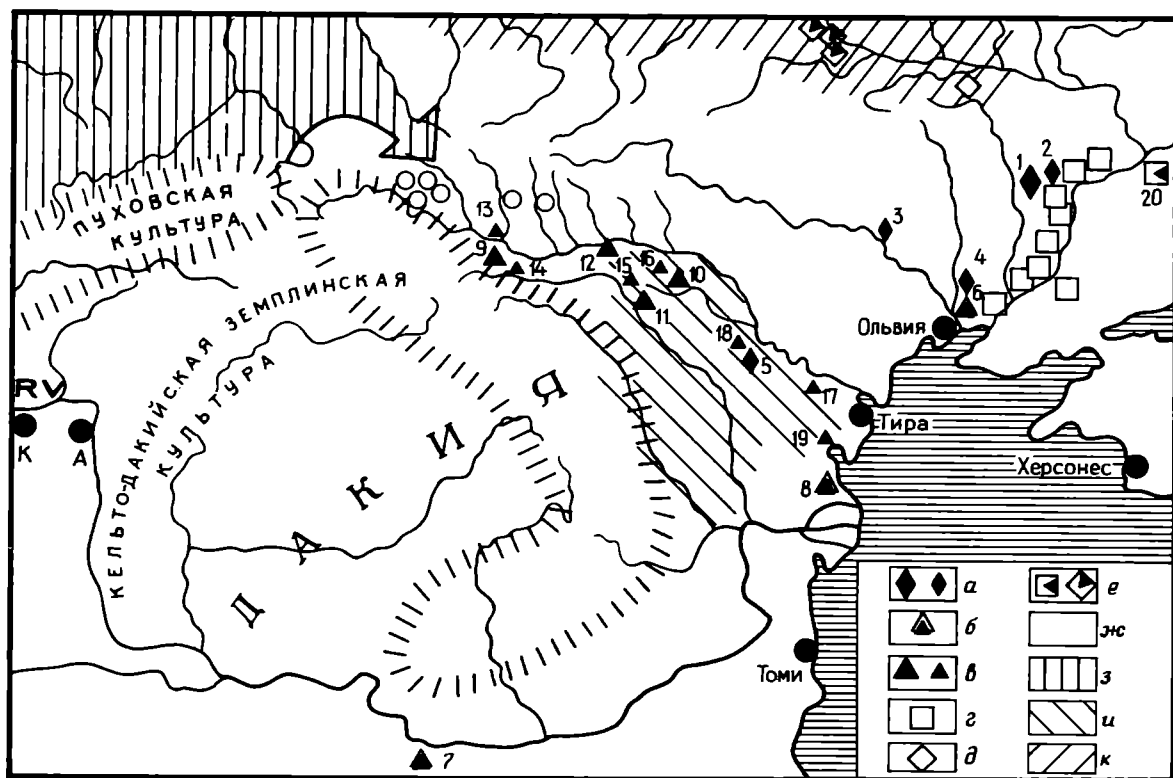

Рис. 1 Археологическая карта Днепро-Дунайского междуречья III в. до н. э. — начала — середины I в. н. э. а — сарматские памятники IV—III вв. до н. э.; б — памятники, связанные (?) с рейдом сарматов в Мезию в 16 г. до н. э.; в — сарматские памятники рубежа и первой половины I в. н. э. Овидиевские языги (?); г — позднескифские городища; д — зарубинецкие городища; е — городища со следами разрушений около середины I в. н. э.; ж — памятники звенигородской группы; з — пшеворская культура; и — культура Поянешты-Лукашевка; к — зарубинецкая культура. Большой размер значка указывает на большую надежность датировки и сарматской принадлежности памятника. RV — царство Ванния; А — Аквинк; К — Карнунт. 1 — Грушевка; 2 — Кут; 3 — Ново-Григорьевка; 4 — Марьевка; 5 — Бравичены; 6 — «Соколова могила»; 7 — Галиче; 8 — Холмское; 9 — Островец; 10 — Безены-Скаены; 11 — Новые Костешты; 12 — Ленковцы; 13 — Бурякивка; 14 — Киселев; 15 — Ханкауцы; 16 — Изворы; 17 — Толмаз; 18 — Селиште; 19 — Глубокое; 20 — Знаменка

Рейном с 15 г. до н. э. по 18 г. н. э., т. е. современной времени погребений в Островце и Безенах.

Начиная с середины I в. н. э. ситуация резко меняется (рис. 2). Только для Молдавии, Молдовы и Мунтении в 1977 г. Г Бикир насчитал 159 сарматских пунктов [22], а с тех пор число их значительно возросло [11, 21, 24], и почти все датируются или второй половиной — концом I в. н. э., или еще позже, II—III вв. н. э.

О напряженной обстановке, возникшей около I в. н. э. в Нижнем Поднепровье, свидетельствуют следы разрушения на самом северном из позднескифских городищ — Знаменском. На его развалинах было совершено несколько сарматских захоронений [25, с. 115, 126—129, 235—236]. В то же время остальные городища укрепляются. Было возрождено разрушенное в середине I в. до н. э. городище Золотая Балка, во всяком случае только с середины I в. н. э. начинаются погребения относящегося к городищу могильника [26—28]. В Гавриловке строится новая линия стен [25, с. 217], производящих впечатление возведенных поспешно [29, с. 72].

В непосредственной близости от городищ на правом берегу Днепра появляются новые сарматские памятники. Где-то в пределах первой половины — середины I в. н. э. был заложен могильник Усть-Каменка [30]. Во второй половине I в. н. э. было совершено погребение около Ново-Петровки, датирован-

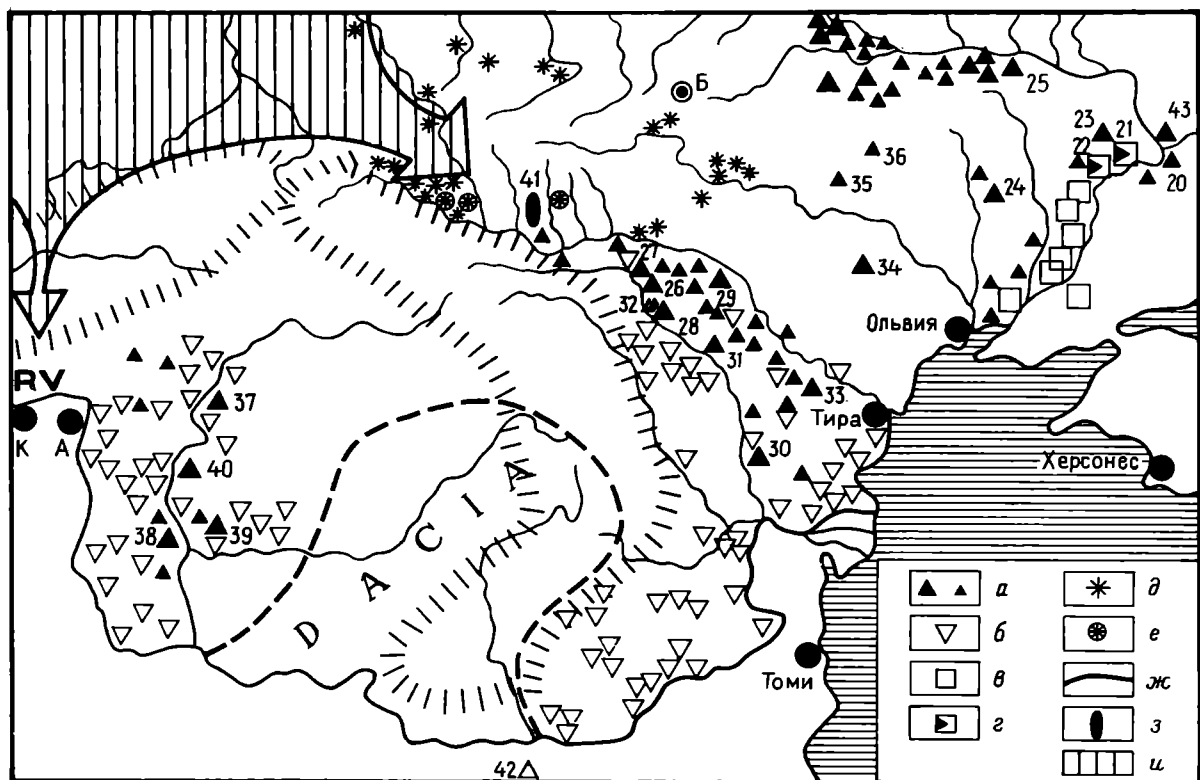

Рис. 2. Археологическая карта Днепровско-Дунайского муждуречья середины I в. до н. э. — начала II в. н. э. а — сарматские памятники середины — второй половины I в. н. э.; б — сарматские памятники II—III вв. н. э.; в — позднескифские городища; з — городища со следами перестроек около середины I в. н. э.; д — памятники постзарубинецкого горизонта Рахны-Почеп (волыно-подольская группа, по Д. Н. Козаку); е — памятники звенигородской группы; ж — границы римской провинции Дакия; з — стела из Задрости; и — пшеворская культура; RV — царство Ванния; А — Аквинк; К — Карнунт; Б — Бердичев. 20 — Знаменка; 21 — Золотая Балка; 22 — Гавриловское городище; 23 — Усть-Каменка; 24 — Новопетровка; 25 — Калантаево; 26 — Куконешты; 27 — Старые Куконешты; 28 — Костешты; 29 — Негурены; 30 — Зырнешты; 31 — Рысипены; 32 — Бутешты; 33 — Кобуска Веке; 34 — Траяны; 35 — Могильно; 36 — Колодистое; 37 — Эрвень; 38 — Сегед-Фельшэпустасер; 39 — Ходмэзевашархей-Фехерто; 40 — Сентеш-Киштоке; 41 — Задрость; 42 — Рошава Драгана; 43 — Запорожье

ное золотыми сережками с фигурками птичек, золотым туалетным флакончиком и бронзовым римским ковшом типа Эггерс 142 [28, с. 66]. Остальные сарматские погребения, достаточно плотным кольцом окружающие территорию позднескифских городищ, не поддаются надежной датировке [28, с. 66, рис. 2], но большинство из них вряд ли далеко отстоит по времени от вышеназванных памятников.

На самих городищах, кроме Знаменского, нет следов разрушений середины I в. н. э. Более того, прослеживаются интенсивные торговые контакты с греко-римским миром [28]. Но материальная культура поздних скифов и сарматов в это время имеет много общих черт. Если любое захоронение Золотой Балки рассматривать вне контекста, их вполне можно было бы считать сарматскими. Невольно напрашивается предположение о тесном культурном взаимодействии этих народов. Не была ли безопасность городищ куплена ценой добровольного политического подчинения или политического союза? Аналогичные процессы можно наблюдать в это же время и в среде крымских скифов [31].

В течение первой половины, а скорее в середине I в. н. э., проникают сарматы и в Среднее Поднепровье, но здесь их отношения с местной зарубинец-

кой культурой сложились иначе. На среднеднепровских зарубинецких городищах в районе Канева прослеживаются следы пожарищ, в сгоревших остатках найдены сарматские стрелы [32, с. 78—103]. Около середины того же столетия прекращают функционировать все крупнейшие зарубинецкие могильники Среднего Поднепровья и Полесья [33, 34]. В ареале зарубинецкой культуры появляются достигающие широты Киева сарматские памятники, в том числе Калантаевский могильник [35], могильник у с. Подгородное [36] и отдельные погребения, всего около 30 пунктов. К уже рассматривавшимся в литературе [33, 37] можно добавить еще погребение в кургане 361 около Смелы с норикопаннонской фибулой Альмгрен 236 середины I в. н. э. [38].

Разгром сарматами носителей зарубинецкой культуры имел далеко идущие последствия, вызвал целый ряд перемещений населения не только в лесостепной, но и в лесной полосе Восточной Европы. Начался сложный процесс взаимодействия и интеграции различных групп, приведший в конечном итоге к появлению славянства на исторической арене. Сарматский удар середины I в. н. э. оказался одним из стимулов славянского этногенеза [39].

Деятельность сарматов в середине I в. н. э. не ограничилась Поднепровьем. Во второй половине I в. н. э. были совершены захоронения в Старых Куконештах 4, в Костештах, в Негуренах, в Зырнештах, в Рысипенах [15], в Бутештах, в Кобуска-Веке [21], возникли могильники в Старых Куконештах I и II [15, 40]. Дата последних, впрочем, спорна. А. В. Гудкова и М. М. Фокеев на основании сходства с материалами некоторых сарматских могильников Буджака (Холмское, Алияга и др.) относят и Куконешты ко второй половине II—III в. н. э. [11, с. 32]. Вопрос нуждается в специальном рассмотрении, но в целом картину не меняет. Увеличение числа сарматских памятников в Молдавии с середины I в. н. э. налицо.

Сарматские памятники промежуточной территории между Поднепровьем и Днестром пока изучены слабо. Можно назвать лишь погребения в Могильно [41], в Траянах [42, с. 201, рис. 255; 43] и Колодистом [44, с. 120]. Первое, с фаянсовыми скарабегями, датировано I—II вв., второй комплекс по сочетанию бронзового зеркала и ковша Эггерс 140 — второй половиной I в. н. э., третье не имеет определенной даты.

Таким образом, археологически можно констатировать резкое увеличение сарматских памятников к западу от Днепра приблизительно около середины I в. н. э. Нижняя хронологическая граница этих памятников в значительной мере «размыта», так же как и даты разрушения Знаменки, зарубинецких городищ и строительства новых укреплений в низовьях Днепра. Но если допустить приблизительную одновременность отражаемых археологическими явлениями исторических событий, то середина I в. н. э. будет наиболее реальным временем их свершения.

Не исключено, что значительная часть сарматов, погребения которых были совершены на землях к западу от Днепра, во второй половине I в. н. э. входила в состав политического объединения, возникшего в 49 г. и просуществовавшего около 30 лет. Имеется в виду царство Фарзоя и Иненсимея, чеканивших свои монеты в Ольвии. Историки и нумизматы обычно считали их царями крымских скифов, но есть достаточно оснований думать, что они были представителями каких-то сарматских племен [45—48]. Приблизительные границы этого объединения очерчивают находки монет Фарзоя — «в реке Прут», у с. Брынзены на севере Молдавии, где наблюдается скопление сарматских памятников второй половины I в. н. э. (рис. 2, 26—28, 32), затем «около Бердичева» и «в Херсонской губернии, на левой стороне Днепра». Не фиксирует ли северо-западный угол этого «царства» находка в Задрости в Тернопольской обл. 5-метровой каменной стелы с «сарматскими знаками», один из которых напоминает тамгу Фарзоя, известную по монетам [49]? О том, что сарматы бывали в самой Ольвии, свидетельствуют две фигуры каменных львов, испещренные «сарматскими знаками» [50].

По расчетам П. О. Карышковского, чеканка новых медных денег в полав-

шей в зависимость от Фарзоя Ольвии началась или в 49 г. [45, с. 119], или в начале 50-х годов [46, с. 14, табл. I].

Таким образом, возникновение нового политического организма, каким было царство Фарзоя, приходится или на тот же год, или на ближайшие последующие годы после еще одного важного политического события, происшедшего в другой части сарматского мира. Это война между сираками и аорсами, втянутыми в конфликт боспорских царей Митридата и Котиса (Тацит, *Анналы*, XII, 15—21).

Напомним кратко ход событий. В 38 г. царем Боспора стал Митридат, праправнук Митридата Евпатора. Он тайно лелеял планы своего великого пращура о создании в Причерноморье эллинско-варварской державы, способной противостоять Риму. Его младший брат Котис, посланный в Рим, «проговорился» об этих планах Клавдию. Принцепс действовал решительно, и в Пантикапее в 45 г. неожиданно высадился римский десант. Царем был объявлен Котис, а Митридат бежал к варварским племенам Северного Кавказа, начал вербовать в их среде сторонников. Союзниками Митридата, кстати, были и жители Ольвии. Они наградили его золотым венком и оповестили об этом специальным декретом [51]. Поддержали Митридата и северокавказские сарматы — сираки. Тем временем большая часть римских войск вернулась в Мёзию. Остался лишь ограниченный контингент в несколько когорт во главе с Юлием Аквиллой. Этих сил было слишком мало, чтобы противостоять объединенным войскам сторонников Митридата и сираков. Тогда Аквила обратился за помощью к аорсам, старым врагам и соседям сираков. Совместными усилиями аорсы, Котис и римляне в 49 г. разгромили противника, с помощью римской осадной техники взяли и сожгли крепость сираков Успу, вырезали защитников. Царь сираков Зорсин сложил оружие, а Митридат сдался царю аорсов Эвнону. Тот выдал его римлянам, обратившись к Клавдию с просьбой сохранить жизнь пленнику. Просьбу нового соратника уважили, и опальный боспорский царь еще около 20 лет прожил в Риме как частное лицо. Здесь с ним мог встречаться и беседовать Плиний Старший [52, с. 9], от которого, вероятно, и получил информацию об этих событиях Тацит.

Археологи и историки много спорят о возможном местонахождении Успы, о местах обитания сираков и аорсов, о возможностях их археологического отождествления.

Пока ясно лишь одно: события происходили где-то между Доном, Каспием и Кавказом, здесь обитали обе группировки племен, причем аорсы заселяли земли к северу и к востоку от сираков. Все остальное спорно. Важно, что конфликт был и имел, по всей вероятности, далеко идущие последствия. Во всяком случае, Плиний Старший, описывая Северное Причерноморье всего 10—20 лет спустя, помещает сираков уже не на Кавказе, а в Крыму, в районе «Ахиллова бега» (Плиний, IV, 83).

Аорсов-гамаксобиев, роксоланов и языгов он тоже помещает значительно западнее, чем его предшественник Страбон. У Страбона языги размещаются где-то между Истром и Борисфеном, роксоланы кочуют между Борисфеном и Танаисом (Страбон; VII, 3, 17), а аорсы — между Танаисом, Меотидой и Каспийским морем (Страбон, XI, 5, 7).

У Плиния же и аорсы, и роксоланы размещаются непосредственно к северу от Истра, т. е., если следовать тексту точно, в Буджаке и Молдавии. Где-то по соседству с последними находятся и впервые появляющиеся на этнокарте аланы (Плиний, IV, 80). Языгов же Плиний помещает «между Данувием и Геркинским лесом вплоть до паннонских зимних стоянок в Карнунте и тех мест, где граница германцев» (Плиний, IV, 80), т. е. на Большой Венгерской низменности. Сопоставление этнокарт Страбона и Плиния, таким образом, отчетливо фиксирует сдвиг сарматских племен на запад. Когда это произошло?

Страбон делал последние вставки в свою книгу в 18 г. Здесь есть упоминания о триумфе Германика после побед над германцами в 17 г. и о начавшейся

тогда же вражде германских вождей Ариминия и Маробода, но нет данных о разгроме последнего готонами Катуальды в 19 г. Плиний погиб в 79 г. при извержении Везувия. Таким образом, перемещение сарматских племен на запад произошло где-то между 18 и 79 гг. К аналогичному выводу уже приходил ранее Д. А. Мачинский [53], а приведенные выше археологические данные достаточно выразительно эту картину подтверждают. Остается уточнить время и пути продвижения языгов в Венгрию.

По тайному наущению Друза, сына Тиберия, Катуальда в 19 г. разбил вождя маркоманнов Маробода, центр «царства» которого находился в Чехии. Сам Катуальда был вслед за тем разбит гермундурами. Остатки дружин того и другого укрылись на территории империи. Римляне поселили их «между Маром и Кузом», в Юго-Западной Словакии, создав здесь «буферное государство» во главе с Ваннием из племени квадов (Тацит, *Анналы*, II, 62, 63). Через 30 лет против Ванния двинулись «несметные силы» его северных соседей — гермундуров и лугиев. «Пехота у Ванния была собственная, а конница — из сарматского племени языгов», но несмотря на их поддержку, Ванний был разгромлен (Тацит, *Анналы*, XII, 29—30). Это первое достоверное свидетельство об участии языгов в реальных событиях в Центральной Европе. Произошло это в 50 г., через год после аорсо-сиракской войны.

Некоторые венгерские исследователи считают, что языги проникали в пушту и раньше. Краеугольным камнем этой гипотезы служила строительная надпись о возведении каменных укреплений в Аквинке на Дунае. Считалось, что надпись сделана в 17—20 гг., во время деятельности здесь Друза, и укрепления строились якобы именно в связи с языгской угрозой [54, с. 267, 268]. Но оказалось, что надпись из Аквинка более поздняя, времени Веспасиана, 73—76 гг. [55]

В распоряжении сторонников ранней даты остаются два упоминания источников о нападениях сарматов в 6 и 7 гг., во время паннонско-далматинского восстания. Но свидетельства эти имеются лишь у поздних авторов — у Диона Кассия и в «Хронике» Евсевия. Ни современник событий Великий Патакул, сам служивший под командованием Тиберия в Паннонии, ни Плиний, получавший информацию от таких компетентных людей, как наместник Паннонии и Мёзии Флавий Сабин и Плавтий Сильван, ничего не говорят об этих набегах.

А. Мочи приводит еще такой довод. Друз, проводя политику создания буферных государств вдоль доверенной ему границы по Дунаю, должен был кроме царства Ванния создать «буфер» и против беспокойных даков, отдав пушту языгам [56]. Логично, но прямого подтверждения в источниках этот тезис не находит. А. Мочи пытался обосновать раннее появление языгов и археологическим путем, но опять же опираясь больше на логику, чем на реальные материалы [57]. Он рассуждал так: только что появившиеся в пуште языги не успели еще установить тесных контактов с Паннонией, откуда к сарматам попадали фибулы. Поэтому языгов следует искать в памятниках без фибул и с вещами греческого причерноморского происхождения. Таковыми являются мелкие золотые украшения — бляшки, подвески и т. д. В 87 г. в связи с приходом в Дакии к власти Децебала, враждебного сарматам, контакты языгов с Причерноморьем должны были прерваться. А. Мочи причислил к этой группе 20—80-х годов могильники Сегед-Фельшёпустасер, Кишкёрёш-Чукашто, а также ряд отдельных погребений и случайных находок. Датировки вещей этой группы он, однако, подробно не рассматривал. Сам факт наличия мелких золотых украшений и отсутствие фибул служило достаточным аргументом. Но среди мелких золотых украшений, найденных на памятниках, отмеченных А. Мочи, есть одна категория находок, позволяющая установить дату достаточно четко. Это маленькие подковообразные подвески из благородных металлов, иногда со вставками голубой эмали на концах [58, табл. X, 9, XXII, 22, XXVIII, 9, XXIX, 29, XXXI, 1, 5, 7, 61; 59, табл. I, 7; 60, табл. XIV, 1]. Такие подвески достаточно широко распространены во всем античном Средиземноморье. Самые ранние происходят из Помпей, Геркуланума и Боскорале, погибших под пеплом Везувия в 79 г.

Известны они в Салониках, на Кипре и в Элевтерполисе в Палестине, где относятся уже ко II в. [61, с. 186]. Носили их в римское время и в Египте. Изображения таких украшений мы находим на женских портретах II—III вв. из Фаюма [62, табл. 36, 75]. Аналогичные известны также на сарматских памятниках Румынии [22, рис. 1] и на постзарубинецком могильнике Рахны на Южном Буге. Можно заметить их эволюцию во времени от конца I в. до начала III в. Ранние — уже, изящнее, со вставками эмали или с зернью на концах, поздние — грубее, шире, с большим расстоянием между концами, которые уже не орнаментированы.

Оказывается, что венгерские погребения с мелкими золотыми украшениями и бляшками не оправдывают ожиданий А. Мочи, большинство их совершено не между 20—80 гг., а позже — в конце I или даже во II в. Проблема выделения языгов из более чем 450 сарматских памятников, собранных в работах М. Пардуца, остается нерешенной и на пути, предложенном А. Мочи. Во всяком случае, у нас не больше оснований думать, что бесфибульные захоронения совершены в 10—20-е, чем в 50—70-е годы.

Если же отказаться от идеи раннего поселения языгов в Венгрии и допустить, что они появились здесь около 50 г. именно в связи с упомянутыми событиями в Словакии, то среди материалов М. Пардуца можно найти и погребения современников Ванния. Это погр. 17 могильника Сегед-Фельшэпустасер с браслетами с завязанными концами и с фибулой типа Ауцисса первой половины I в. [57, табл. XIII, 2—5, 11, 13, табл. XIV, 1—7, 11] Затем — погр. 22 могильника Ходмёзешархей-Фехерто, где найдено зеркало из числа производившихся в римских лагерях Нижней Германии в течение I в. н. э., а особенно интенсивно в клавдиевское время [59, табл. L, 3; 63].

Ко времени, близкому к событиям в Словакии, могут относиться и случайные находки из Эрвень [64, табл. I, 6, 7, 12, 13, II, 1, 3] — бронзовое зеркало с концентрическими кругами и дырочками по краю [65, с. 35], золотая подковообразная подвеска, пирамидальный колокольчик и фибула Альмгрен 69 флавиевского времени, а также погр. 145 могильника Сентош-Киштоке с трубковидной фибулой [66, табл. XXII, 2; 67, с. 157]

Оживленно дискутируется в венгерской и румынской литературе вопрос о пути движения языгов в междуречье Тиссы и Дуная — с юга, через Мунтению, Олтению и Банат, или с севера — через горные перевалы Карпат и Верхнее Потисье [54, с. 268] Последнее представляется более правдоподобным. Ближайшие хронологически и территориально сарматские памятники найдены в Верхнем и Среднем Поднестровье. Памятники же Молдавии и Румынии не раньше венгерских, в Банате они не ранее III в. [68]

Можно ли обнаружить какие-либо следы взаимодействия языгов-переселенцев с местным населением Центральной Европы? Они не многочисленны. У германцев раннеримского времени не было обычая носить браслеты, поэтому находки браслетов с шишечками или змеиными головками на концах на могильнике подданных Ванния в Абрахаме и браслеты с завязанными концами в некоторых погребениях носителей пшеворской культуры лугиев исследователи рассматривают как результат контактов с сарматами [67, рис. 7, 2, 3; 69, с. 55] Результатом этих же контактов может быть и находка плоского зеркальца-кружочка в погр. 73 могильника гермундуров Кляйн-Цербст в междуречье Эльбы — Заале [70, табл. 118] С другой стороны, распространение в сарматском мире длинных восьмерковидных «маркоманнских» пряжек тоже может быть свидетельством германско-сарматского взаимодействия [71, рис. 2, 12; 72; 73] Это взаимодействие, возможно, находит и еще одно выражение. Приблизительно во второй четверти I в. в Западном Польском Поморье начинается процесс формирования новой вельбаркской культуры. Из ее среды позже вышли те готы, которые в начале III в. переселились в Причерноморье. Но уже на ранней, любовидьской стадии [74] этой культуры (до переселения готов) наблюдаются некоторые элементы, связываемые с Причерноморьем. Здесь представлены

разного рода браслеты, много золотых и серебряных изделий с зернью, встречаются бусины-подвески в металлической оплетке, известные в эллинистическое время в Причерноморье [75, табл. V, 28; 76, с. 227, № 8, 9] и на сарматских памятниках Венгрии.

Уже высказывалось предположение о своеобразии окраски культур балтийского побережья за счет контактов с венгерскими сарматами [77, с. 417, 422—428], что и подтвердилось находкой в Венгрии характерных вельбаркских браслетов [78]. Не были ли привнесены причерноморско-сарматские элементы в вельбаркскую культуру потомками дружинников Катуальды, вернувшимися после разгрома Ванния в свой хинтерланд и сохранившими связи с венгерскими языгами?

Совпадение трех дат — аорско-сиракской войны 49 г., образования царства Фарзоя и появления языгов в Венгрии и Словакии в 50 г. — делает вполне реальным предположение, что мы имеем дело с цепочкой взаимосвязанных событий, с одноразовым массивованным передвижением различных сарматских племен в западном направлении по принципу «падающего домино».

Археологические даты более «размыты» и менее определены по своей природе. В археологии всякая дата, даже такого одноразового события, как совершение захоронения, представляет собой некий интервал во времени, более или менее широкий. Лишь изредка удается определить его с большей точностью, чем столетие, а максимально доступная на сегодня археологам точность — 20—30 лет. В приведенных выше археологических материалах, как нам кажется, нет данных, прямо противоречащих предположению об одновременности событий, происшедших за несколько лет в интервале, обозначенном как «середина I в.». Во всяком случае, изменения в расселении сарматских племен и в расстановке политических сил произошли в рамках жизни одного поколения.

Не исключено, что и сам сирако-аорский конфликт не был начальным звеном в цепи событий, а был лишь одним из эпизодов. Начало же цепи следует искать где-нибудь на востоке. На эту мысль наводит распространение изделий бирюзово-золотого звериного стиля — фалары «Садового кургана» и «Сибирской коллекции», вещи из «Хохлача» на Дону и из Тилля-Тепе в Афганистане, Р-видные бляхи из Запорожья и той же «Сибирской коллекции», малые фалары из Запорожья, «Садового» и из Гонийского клада в Закавказье [79—85; 86, табл. XVII, XVIII] (рис. 3). Стилистическое сходство всех этих находок, удаленных друг от друга на тысячи километров, столь велико, что не остается сомнений — они имели единое происхождение и разнесены на огромные расстояния за сравнительно короткий промежуток времени.

Точную дату изделий «Сибирской коллекции» и их происхождение установить трудно. М. И. Артамонов отметил их стилистическое сходство с произведениями древнеалтайских мастеров из Пазырыка [79]. Возможно, в искусстве бирюзово-золотого стиля действительно имеется «алтайский корень», но он, вероятно, не единственный, и в связи с новыми находками этот вопрос следовало бы рассмотреть заново на более широком историко-археологическом фоне. Комплексы, имеющие более точную датировку, дают следующее: в Тилля-Тепе позднейшая монета — ауреус Тиберия 16—21 гг. [83, рис. 34, 35], захоронения в «Садовом» и в «Хохлаче» были совершены в конце I или начале II в., вскоре после опустошительного набега аланов на Закавказье и Переднюю Азию в 72 г. [87], в Запорожье — где-то в пределах I в. [84].

Таким образом, хотя время происхождения бирюзово-золотого стиля остается неясным, широкое его распространение приходится на время, близкое к отмеченной выше подвижке сарматских племен. Носители этого стиля движутся как бы в арьергарде сарматского потока, «подталкивая» и его, и предвеляя следующую волну движения на запад.

Сведения о том, что на северных границах Парфянской державы в I в. происходили какие-то бурные процессы, доходили и до Рима. О них могли информировать Нерона прибывшие в 60 г. послы гирканцев, жителей юго-восточного побережья Каспия, восставших против парфянского царя Вологеза.

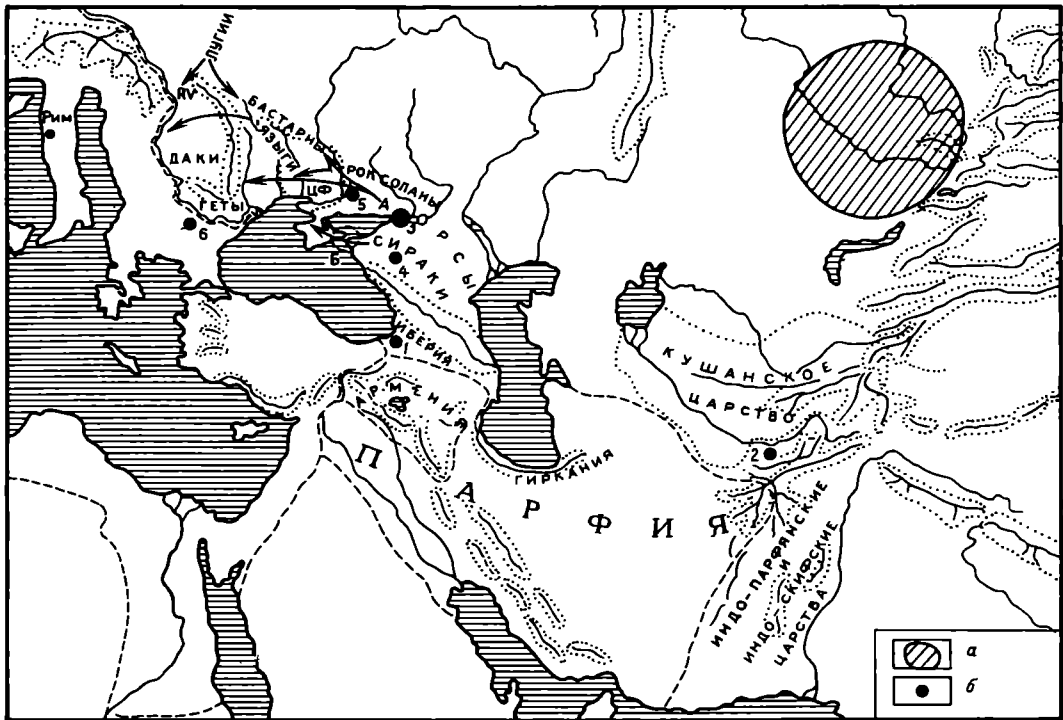

Рис. 3. Распространение находок бирюзово-золотого звериного стиля и этнополитическая ситуация I в. н. э. *а* — места сбора основной части «сибирской коллекции»; *б* — пункты находок вещей бирюзово-золотого стиля. 1 — Гонийский клад; 2 — Тилля-Тепе; 3 — «Хохлач»; «Садовый» и другие курганы Нижнего Подонья; 4 — Зубовский хутор и другие места находок Прикубанья; 5 — Запорожье; 6 — Рошава-Драгана. *Б* — Боспорское царство; *ЦФ* — царство Фарзоя; *RV* — царство Ванния

«Корбулон при возвращении послов дал им охрану, чтобы, переправившись через Евфрат, они не были схвачены вражескими отрядами: их проводили до берегов Красного моря, откуда, избегая пределов парфян, они возвратились на родину» (Тацит, *Анналы*, XIV, 25). Возвращаться им пришлось, очевидно, через Индию.

Тогда и мог Нерон возродить вынашиваемый еще Цезарем (Плутарх, *Цезарь*, 48) план далекого восточного похода через Кавказ. Для его реализации была создана отборная группа войск — «фаланга Александра» (Светоний, *Нерон*, 19). План этот, хотя и малореальный, не был пустой прихотью деспота. На востоке зрели «новые силы», и вмешательство римлян могло бы враз покончить со старым врагом, парфянами, и приостановить опасные действия этих новых сил [88, с. 209]. Не было ли конечным результатом действия этих сил образование Кушанского царства, о хронологии которого ведутся столь оживленные споры [89], и не они ли подтолкнули носителей бирюзово-золотого стиля на запад? Но все эти вопросы находятся вне компетенции автора и поэтому вернемся в Причерноморье, которое по планам Цезаря — Нерона должно было бы стать базой восточного похода.

Возникшее здесь самостоятельное царство Фарзоя планам Нерона явно мешало. Последовала акция Плавтия Сильвана. Эпитафия этого наместника Мёзии с его послужным списком содержит целый ряд любопытных сведений из истории Северного Причерноморья (CIL, XIV, 3608). Став легатом Мёзии, «он переселил из племен, обитавших за Дунаем, более ста тысяч человек с женами и детьми, со знатью и царями». Не бежали ли эти сто тысяч от нашествия сарматов в 49—50 гг.? Далее, «отправив большую часть своего войска в Армению, он все же сумел подавить начавшееся волнение сарматов, привел на свой берег из-за реки царей, прежде римскому народу неизвестных или ему враждебных, дабы они склонились перед его знаменами». Фраза об отправке

войск позволяет точно определить хронологию событий. Из других источников известно, что в Армению был направлен из Мёзии V Македонский легион для усиления армии Цезария Пета, который начал действовать в конце 61 — начале 62 г., не дождавшись прибытия легиона (Тацит, *Анналы*, XV, 6). Так что поход Сильвана состоялся скорее всего летом-осенью 62 г. По окончании его он отправил в Рим транспорт с хлебом.

В чем заключались «волнения сарматов»? Не посчитали ли в Риме за них выпуск золотых монет Фарзоя на шестом году его царствования? Выпуск золотой монеты был актом политическим, он символизировал независимость государства. За это же в свое время поплатилась боспорская царица Динамия. И не был ли Фарзой среди «неведомых прежде» царей, которых Сильван привел в Мёзию и заставил склониться перед знаменами? После акции Сильвана чеканка монет прекратилась вплоть до 69 г. [45, с. 120, 121; 48] В последних работах П. О. Карышковский [46, 47], правда, отказался от мысли о перерыве в чеканке, но, на наш взгляд, есть возможность так согласовать данные, что и разрыв, сократившись, сохранится, и сочетаемость штемпелей не будет этому противоречить. Это, однако, тема специального разговора.

Плавтий Сильван также «раздвинул пределы провинции, ибо осадой заставил царя скифов отступить от Херсонеса, что находится по ту сторону Борисфена». Значит, римские войска по пути к Херсонесу переходили Днепр и не миновали, таким образом, и Тиры, и Ольвии. По логике событий здесь должны быть оставлены гарнизоны, а все Северо-Западное Причерноморье вошло в состав провинции, правда, всего на 6—7 лет. Из текста эпитафии ясна и расстановка политических сил этой кампании. Сильван «возвратил царям бастарнов и роксоланов их сыновей, а царю даков — братьев, взятых ранее в плен или захваченных врагами», т. е. бастарны, роксоланы и даки были союзниками римлян, а война велась против тех сарматов, которые появились здесь после аорско-сиракского конфликта, и против скифов.

Когда в 68 г. Нерон покончил с собой и началась гражданская война, мёзийские войска приняли в ней активное участие, покинув не только северопричерноморские города, но и саму провинцию. Во всяком случае, в 69 г. Фарзой возобновил чеканку монет, а роксоланские катафрактары вторглись в Мёзию и не встретили бы сопротивления, не окажись здесь совершенно случайно III Галльского легиона, передислоцировавшегося из Сирии в Италию (Тацит, *История*, I, 79). Возможно, археологическим выражением этого роксоланского рейда является находка захоронения катафрактария в Рошава Драгана [85, рис. 18; 90; 91] Навершие меча из погребения украшено «сарматскими знаками», среди которых и тамга Фарзоя, а наконечник ножен меча — в зверином бирюзово-золотом стиле.

В самом конце I или начале II в. по землям к западу от Днепра прокатывается следующая волна сарматского нашествия. В начале II в. прекратились погребения на могильнике Золотая Балка, большая часть нижнеднепровских городищ была покинута [28]. Ольвия к 83 г. освободилась от власти «скифских» царей. На Днестровском лимане появились памятники типа Мологи, оставленные беженцами из Нижнего Поднепровья [92]. В Буджаке появились новые сарматские памятники [11, 93], в Молдавии был заложен могильник в Боканах [4, 15], совершены погребения в Корпаче [94], Первомайском [15, 95], Пашканах [21], Олонештах [15, 96].

Во II в. сарматами была занята и достаточно плотно заселена Молдова и Мунтения [22] Появляются новые памятники в Венгрии [54].

Более подробному рассмотрению обстоятельств новой волны проникновения сарматов на запад и сложившейся во II в. в Северном Причерноморье исторической ситуации следовало бы посвятить специальную работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13.
2. *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.
3. *Jakoušina-Ivanova L.* Une trouvaille de l'âge de la Tène dans la Roussie meridionale // ESA. 1927. V. I.
4. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья // МИА. 1960. № 89.
5. *Harmatta J.* Studies on the History of Sarmatians. Budapest, 1950.
6. *Fetlich N.* Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen // ААН. 1953. В. III. Fasc. 1—4.
7. *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение в Соколовой могиле (Предварительная публикация) // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
8. *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit // Mannus-Bibliothek. 1919. № 18—19.
9. *Shchukin M.* Rome and Barbarians in Eastern and Central Europe. 1st Century BC — 1st Century AD // BAR. Int. S. (in print)
10. *Werner J.* Spätlatène-Schwerter norischer Herkunft // Symposium. 1977.
11. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1984.
12. *Подосинов А. В.* Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1983 г. М.: Наука, 1984.
13. *Смішко М. Ю.* Сарматські поховання біля с. Острівець, Станіславської обл. // МДАПВ. 1962. Вип. 4.
14. *Рикман Э. А.* Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья // СЭ. 1966. № 1.
15. *Гросу В. И.* Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья // АИМ — 1977—1978. Кишинев, 1982.
16. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. 1953. Вып. 51.
17. *Малеев Ю. М., Піоро І. С.* Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщині // Археологія. 1973. Вип. 12.
18. *Винокур И. С., Вакуленко Л. В.* Киселовский могильник I—II вв. н. э. // КСИА. 1967. Вып. 112.
19. *Свешников И. К.* Могильники липицкой культуры в Львовской обл. (раскопки у сел Звенигород и Болотное) // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
20. *Кропоткин В. В.* Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская область) // КСИА. 1974. Вып. 140.
21. *Гросу В. И.* Новые сарматские памятники на территории Молдавии // АИМ — 1979—1980. Кишинев, 1983.
22. *Bichir G.* Les sarmates au Bas-Danube // Dacia. 1977. T. XXI.
23. *Raddatz K.* Ringknaufschwerten aus germanischen Kriegergräbern // Offa. 1959—1961. V. 17—18.
24. *Дзиговский А. Н.* Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
25. *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. № 64.
26. *Вязмитина М. І.* Золота Балка. Киев: Наук. думка, 1962.
27. *Вязмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972.
28. *Щукин М. Б.* К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. 1970. Вып. 12.
29. *Раевский Д. С.* Некоторые вопросы Малой Скифии в свете изучения позднескифской фортификации // Сб. докладов на IX и X ВАСК. М., 1968.
30. *Махно Е. В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // АП. 1960. Т. IX.
31. *Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя) // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
32. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наук. думка, 1982.
33. *Щукин М. Б.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. 1972. Вып. 14.
34. *Каспарова К. В.* О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // СА. 1976. № 3.
35. *Покровська Е. Ф., Ковпаненко Г. Т.* Могильник біля с. Калантаєво // Археологія. 1961. Т. XII.
36. *Ковалева И. Ф., Костенко В. И.* Новые источники по истории сарматских племен Северного Причерноморья // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. Вып. 3. Днепрпетровск, 1976.
37. *Симоненко А. В.* Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
38. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела. Т. III. СПб, 1901.

39. *Шукин М. Б.* О трех путях археологического поиска предков ранненеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. 1987. Вып. 28.
40. *Дергачев В. А.* Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976). Кишинев. Штиница, 1982.
41. *Сымонович Э. А.* Погребение I—II вв. н. э. в с. Могильне в Подолии // КСИА. 1966. Вып. 107.
42. ОАК за 1913—1915. СПб., 1916
43. *Скалон К. М.* Изображения животных на керамике сарматского периода // Тр. ОИПК. 1941. Т. 1.
44. *Спицын А.* Раскопка курганов близ с. Колодистого Киевской губ. // ИАК. 1904. Вып. 12.
45. *Карышковский П. Я.* З исторії греко-скіфських відносин у північно-західному Причорномор'ї // АП. 1962. Т. XI.
46. *Карышковский П. О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
47. *Карышковский П. О.* Ольвия и Рим в I в. н. э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
48. *Шукин М. Б.* Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. 1982. Вып. XLVII.
49. *Драчук В. С.* Стела со знаками из Теробовельшны // СА. 1967. № 2.
50. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наук. думка, 1975.
51. *Болтунова А. И.* К надписи IPE, II, № 400 // ВДИ. 1954. № 1.
52. *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: Наук. думка, 1977.
53. *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э.—I в. н. э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16.
54. *Parducz M.* Einige Probleme der Sarmatenforschungen des Karpatenbeckens // Actes du VIIIe CISPP. 1971. Т. 1.
55. *Tóth E., Vekony G.* Zu Pannoniens Geschichte im Zeitalter des Vespasianus // ААН. 1970. Т. 22.
56. *Moscy A.* Die Einwanderung der Jazygen // Acta Antiqua. 1977. Т. XXV. Fasc. 1—4.
57. *Мочи А.* К вопросу о периодизации раннесарматской эпохи // ААН. 1954. Т. IV. Fasc. 1—4.
58. *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. B. I // АН. 1941. В. XXV
59. *Parducz M.* Szarmta temető Hódmezővásárhely-Fehérton // Archaeologiai Ertesítő. Budapest, 1946—1948.
60. *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. B. III. // АН. 1950. В. XXX.
61. *Higgins R. A.* Greek and Roman Jewellery. L., 1961.
62. *Павлов В. В.* Египетский портрет I—IV вв. М.: Искусство, 1967.
63. *Lloyd-Morgan G.* Some Bronze Mirrors in the Collection of the Rijksmuseum // BMR. 1974. 6e ser., 46e année.
64. *Parducz M.* Az Örvényi Jazig lelet // Folia Archaeologica. 1941. Т. III—IV.
65. *Roth-Rubi K.* Zur Typologie römischer Griffspiegel // BMR. 1974. 6e ser. 46e année.
66. *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. B. II // АН. 1944. В. XXVIII.
67. *Kolník T.* Anfänge der germanischen Besiedlung in der Südwestslowakej und das Regnum Vannianum // Symposium. 1977
68. *Барачки Ст.* Накит сармата у Банату са прегледом сарматских налазишта. Каталог уз изложбу. Вршац., 1975.
69. *Newegetowski A.* Obrzadek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej na przelomie er. «Osolenium», 1981.
70. *Schmidt-Thielbeer E.* Das Gräberfeld von Wahlitz. B., 1967.
71. *Абрамова М. П.* Предварительные итоги исследования Подкумского могильника близ г. Кисловодска // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980.
72. *Степанов П. Д.* Андреевский курган. Саранск, 1980.
73. *Raddatz K.* Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körper schmuck // Offa-Bücher. 1957. В. 13.
74. *Wolagiewocz R.* Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej // Studia Archaeologica Pomeranica. Koszalin, 1974.
75. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
76. *Максимова М. И.* Амулет из Горгиппии и так называемые шарки-подвески // СА. 1962. № 2.
77. *Kolník T.* Honósný spony mladšej doby rimskej vo svetle nálezov z juhozápadného Slovenska // SIA. 1964. В. XII.
78. *Hadhazy-Vaday A.* Neure Angaben zur Frage der Verbreitung der sog. Schildkopfartringes // SIA. 1980. R. XXVIII. С. 1.
79. *Артамонов М. И.* Сокровища саков. Л.: Искусство, 1973.
80. *Клейн Л. С.* Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
81. *Засецкая И. П.* Изображения «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1.
82. *Раев Б. А.* Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Тез. докл. второй археологической конференции «Скифо-сарматский мир». Кемерово, 1984.
83. *Сарианиди В. И.* Афганистан: сокровища безмянанных царей. М.: Наука, 1983.
84. *Шилов В. П.* Запорожский курган. (К вопросу о погребениях аорской знати) // СА. 1983. № 1.
85. *Манцевич А. П.* Находка в Запорожском кургане. (К вопросу о сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
86. *Лордкипанидзе О. А., Микеладзе Т. К., Хухтайшвили Д. Д.* Гонийский клад. Тбилиси: 82

- Мециниереба, 1980.
87. *Raev V. A.* Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR. Int. Ser. 1986. V 278.
 88. *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М.: Наука, 1966.
 89. *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология (материалы по проблеме). Л.: Наука, 1968.
 90. *Буюклиев Х.* За наличнето на тежко въоръжени конници в римска Тракия // Музеи и паметници на културата. Кн. 2. София, 1976.
 91. *Николов Д., Буюклиев Хр.* Тракийски могилни гробове от Чаталка, Старозагорско // Археология. 1967. № 1.
 92. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
 93. *Дзиговский А. Н.* Сарматские памятники II—III вв. в низовьях Днестра // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
 94. *Гросу В. И.* Сарматский курган у с. Корпач // СА. 1979. № 2.
 95. *Рикман Э. А., Хынку И. Г.* Погребение II в. н. э. у с. Первомайск // МИА. 1970. № 176.
 96. *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1962. № 1.

M. B. Shchukin

SARMATIANS IN THE LANDS WEST OF THE DNIEPER
AND CERTAIN EVENTS IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE
IN THE 1st CENTURY A. D.

S u m m a r y

Written sources assert that between 330 and 310 B. C. the Sarmatians appeared in Scythia. At the turn of the 1st c. B. C. they roamed between the Dnieper and the Danube. The archaeological sites which would support written evidence are amazingly scarce, however Ovid, who from A. D. 8 to 18 lived in Tomi, watched the Sarmatians-Yazyges crossing the Danube more than once. Synchronous Sarmatian sites, however, are limited to the upper and middle Dnester. The number of Sarmatian sites steeply increases to the west of the Dnieper about the mid-1st c. A. D. This led the author to the supposition that the conflict between the Aorses and Siraks in the Northern Caucasus (Tacitus, Annales, XII, 15—21) in A. D. 49, destruction of the Zarubintsy settlements in the middle Dnieper, the formation of the Farzoi kingdom near Olbia and the appearance of the Yazugs in Central Europe (Tacitus, Annales, II, 29—30) in A. D. 50 are links of one and the same chain. Judging by the distribution of turquoise and gold objects of the animal style, the Sarmatians came from the East, from Partia's northern boundaries.